

Шутова, О. М. Тенденции антропологизации в современной историографии: история повседневности, устная и гендерная истории / О. М. Шутова // Крыніцазнаўства і спецыяльныя гістарычныя дысцыпліны. Вып. 1 / рэдкал.: С. М. Ходзін (адк. рэдактар) [і інш.]. — Мінск: БДУ, 2002. — С. 106–121.

О. М. ШУТОВА

ТЕНДЕНЦИЯ АНТРОПОЛОГИЗАЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ: ИСТОРИЯ ПОВСЕДНЕВНОСТИ, УСТНАЯ И ГЕНДЕРНАЯ ИСТОРИИ

Несколько последних десятилетий показывают значительные изменения в историческом сознании и новые тенденции в историографии, связанные с переосмыслением ставших уже традиционными направлений исследований и появлением новых интересов познания и стратегий. Антропологизация исторической науки и ее ориентированность на микроуровневые исследования, междисциплинарность и образование новых предметных областей, «лингвистический поворот» — эти черты определяют сегодня лицо «новой» историографии.

Уже 1970—1980-е гг. внесли существенные коррективы в исследовательские интересы историков, что было связано с перенесением акцентов с изучения макроуровневых структур с генерализацией и обезличиванием (например, «производительные силы», «производственные отношения», «народ», «государство», «институты права») на исследование прошлого на микроуровне, с позиций индивидуального опыта.

Кроме того, «антропологизация» понимания «культуры», позволяющая расширить ее определение и представить как «реальное содержание обыденного сознания людей прошлых эпох, отличающиеся массовым характером и большой устойчивостью ментальные представления, символические системы, обычаи и ценности, психологические установки, стереотипы восприятия, модели поведения»¹, изменяет и отношение к категории «социальный» — и в социальной истории наряду с классами, сосло-

106

виями начинают изучаться социальные микроструктуры — семья, община, приход и т. д.²

Переход от макроистории, анализирующей крупные структуры, к микроистории, изучающей малые сообщества и «маленького человека», знаменовал переключение исследовательского интереса на историю повседневной жизни. При этом историки повседневности не идентифицировали себя с теми, кто изучал «историю повседневности», предложенную в 1960-х гг. Ф. Броделем («Структуры повседневной жизни»)³. Их внимание было обращено не на материальные условия повседневности, а на то, как эти условия переживались людьми.

В становлении микроистории знаковыми были работы Э. Томпсона «Формирование рабочего класса», К. Томаса «Религия и упадок магии: изучение народных верований в Европе XVI—XVII вв.», П. Берка «Народная культура в Европе начала Нового времени», Н. З. Дэвис «Общество и культура во Франции начала Нового времени», К. Гинзбурга «Сыр и черви: космос мельника, XVI в.», раскрывавшие индивидуальный опыт людей, повседневную жизнь «многих» и делавших акцент на «народной культуре»⁴.

Смена ориентиров в исторической науке происходит в результате острых дискуссий 1980-х гг. и носит название «антропологического поворота». В результате, с одной стороны, акцент в исторических исследованиях перемещается на изучение собственно «человека-в-истории», причем не столько созданных им и довлеющих над ним «структур», сколько его непосредственного опыта в историческом процессе. С другой стороны, для изучения неосознанных социокультурных представлений людей прошлого, включенных теперь в понятие «культура», историки стали широко использовать методы, заимствованные ими из культурной антропологии («плотные описания», «ключевые символы»). Однако в отличие от антрополога, историк, не имея возможности прямого наблюдения, «должен изучать этот опыт косвенно, через символические и ритуалистические действия, которые вместе с намерениями индивидуума формируют текст, делающий возможным доступ к иной культуре»⁵. В связи с этим в историографии заметен поворот к исторической антропологии с ее семиотическим подходом к символическому в культуре.

107

В то время как в мировой историографии утвердились исследования, связанные с изучением таких проблем, как питание в истории, телесность, половые отношения, рутинная работа, досуг и способы его проведения, привычки и т. п., причем на различных уровнях производства и потребления, с позиции символики и индивидуального опыта людей, в Беларуси такая работа находится лишь в самом начале. Она связана, главным образом, с попытками историков пока только интуитивно воспользоваться данными

этнографии или литературы (работы М. Пилипенко, А. Мицкевич, Т. Кухаренок, Т. Довнар, В. Ковтун, А. Львова, Т. Новгородского и др.). И все же в них не анализируются взаимосвязи микроуровневых структур (например, семьи, института брака, воспитания, системы питания) с большими процессами в истории, такими как изменения в экономике, политических системах, и не ставится целью проследить эволюцию той же символики семейной обрядности, повседневной жизни, родов и т. п.

Не случайна часто происходящая произвольная подмена понятий истории повседневности и «народной культуры». Опираясь ими, белорусские историки зачастую не выходят за рамки истории материальной культуры или этнографии. Так, «питание» в белорусской историографии понимается лишь как «этнический элемент», в то время как исследователи историко-антропологической ориентации показывают, что «питание» — фактор не только материальный, но и ментальный, так как зависит не только от климатических условий стран, уровня развития производительных сил и направленности хозяйственной деятельности в обществе, но и от всей совокупности представлений и ценностей (картины мира), свойственной его культуре, от культурных «кодов», которые в свою очередь указывают на значимые ценности в бессознательных установках общества⁶.

Современная историография остро ставит вопрос о необходимости сочетания макроструктурного и микроантропологического уровней исторического исследования, проведения анализа индивидуальных социальных позиций, «взятых в переплетающихся контекстах формальных социальных групп (домохозяйства, профессиональные корпорации, религиозные общины, институты местного самоуправления) и неформальных (семьи, соседства, имущественные страты)». Неотъемлемой частью такого анализа

должна быть и динамика индивидуальных жизненных циклов, где «биологические циклы жизни индивидов связываются с системой стратификации и социальными процессами в микроструктурах и обществе в целом»⁷. Интересы и исторический опыт «маленького человека», который оставался без внимания как в политической истории XIX в., так и социальной истории XX в., условия его повседневной жизни и то, как эти условия влияли, стали приоритетными объектами изучения для ведущих историков современности. П. Берк, К. Гинзбург, Н. Дэвис, К. Томас, Ж. Ле Гофф, Ж. Дюби, К.-Г. Фабер, Й. Рюзен и многие другие авторитеты «новой истории» ориентируются на написание культурной истории, где нарратив, индивидуум и микроподход играют центральную роль.

Антропологизация исторических исследований, стремление поставить человека и его опыт в центр исторической работы, переход на микроуровень нашли отражение и в расширении «территории истории» за счет включения в нее таких сфер, которые связаны с деятельностью женщин. Доминировавшие до недавнего времени истории событийная, политическая, экономическая, избиравшие в качестве своих исследовательских объектов «видимые», «неподвижные» пласты истории, абсолютно игнорировали ту часть жизни общества, которую принято называть «приватной» и где традиционно доминировали женщины.

Такое исключение женщин из поля зрения исследователей было обусловлено исторически: на протяжении столетий женщины устранились из публичной жизни и властных сфер, что делало их практически «невидимыми» для историков. Поскольку история представлялась полем битв, политических, дипломатических и экономических перипетий, частная, семейная сфера жизни казалась не заслуживающей внимания. В то же время мы не можем сказать, что историография античности, средневековья или Нового времени не оставила нам ярких женских образов. Однако, все они, и Жанна Д'Арк, и Екатерина Великая, и Ефросинья Полоцкая, вошли в нее как раз благодаря тому, что вышли за рамки «женских» моделей поведения.

Более того, большинство мыслителей, от античности до Нового времени, считали, что положение женщины обусловлено ее биологической природой, и, употребляя понятие «человек»,

имели в виду мужчину. Это представление становится настолько общепринятым, что даже в наши дни мы слышим его отголоски — словно «проказа и прокаженные исчезли, но осталась сама структура» (М. Фуко). Современные исследователи связывают подчиненное положение женщины в обществе с гендерным разделением труда, начало которому было положено в период перехода от охоты и собирательства, предполагавших равное участие мужчины и женщины в хозяйстве, к земледелию и скотоводству, усиливших роль мужчины и закрепивших стереотипы «мужчины-добытчика» и «женщины-хранительницы очага». Социальное неравенство, имущественные интересы и властные отношения нашли отражение в гендерной стратификации общества.

Андроцентристский (от греч. andros — «мужчина») подход культивировался в истории со времен античности, где женщина не являлась субъектом гражданского права, поскольку считалась неспособной выйти за рамки своего природного предназначения и соответственно частно-семейной сферы существования. Так, «в античности женщины [и дети] жили совершенно удаленно [от мужчин]. Они редко

показывались в общественных местах, оставались в своих комнатах, редко ели со своими мужьями... они редко проводили вместе дни»⁸.

Классическая Греция дает нам пример свободного гражданина — мужчины и его жены, естественно, не имевшей этого статуса, не выходящей за рамки своего хозяйства и семьи. Неравенство между мужчинами и женщинами затрудняло их близость в духовном, интеллектуальном плане. Этим часто объясняют бисексуальность античного общества. Так, Плутарх констатировал: «любовь не имела ничего общего с женской половиной»⁹.

Подчиненное положение женщин и их исключение из публичной сферы сохранялись на протяжении всего средневековья и в Новое время. «Естественной дефективностью» женщин объяснялся их низкий социальный статус (Фома Аквинский). Женщина, как пишет Ж. Дюби о Франции XII века, имела две ипостаси: тело ее принадлежало мужу, а душа — Богу¹⁰. Однако с наступлением Нового времени появляются новые ноты в понимании «женского вопроса», хотя в целом либеральная теория этого времени «демонстрировала ограниченность в вопросе распростране-

ния эгалитарных прав на новые группы граждан: женщинами пренебрегали просто потому, что они женщины»¹¹. Несмотря на мнение многих мыслителей, что «социальный прогресс и смена периодов совершаются пропорционально прогрессу женщин к свободе, а падение социального — пропорционально уменьшению свободы женщин» (Ф. М. Ш. Фурье, 1808), на практике, даже после Французской революции, женщины были исключены из политической, социальной и экономической сферы.

Говоря о собственно женском движении, то, хотя некоторые исследователи и считают салоны XVII в. его первой формой, о начале женского самосознания можно говорить только со второй половины XIX в. Именно тогда появляются первые феминистки — суфражистки (от англ. *suffrage* — право голоса) в Великобритании, а затем и в других странах. Широкое движение за избирательные права женщин в условиях общей революционной ситуации дали свои плоды: в 1905 г. в Финляндии, а в 1918—1920-е гг. в Бельгии, Германии, Канаде, США женщины получили право голоса.

После бурного всплеска женского движения последовал период некоторого застоя, что было связано со многими факторами. Среди них — успехи суфражизма, военные трудности, рост промышленности и качественный скачок в устройстве быта.

В 1960-е гг. начинается новый подъем феминистского движения, часто называемый «женским возрождением». Он характеризуется ростом политического сознания женщин, осмыслением социокультурных ролей полов, включением женщин в орбиту философской мысли. Все это привлекло внимание к важности постановки проблем, связанных с репрезентацией женских сфер в истории и рождению нового направления в исследованиях — «женской истории».

Говоря о женской истории, следует обратить внимание на терминологию: английский вариант названия «*women's history*» предоставляет возможность двоякого перевода — как «женская история» и как «история женщин». И хотя, строго говоря, второй вариант грамматически более корректен, тем не менее, идеологически более целесообразно употребление термина «женская история». Такая оговорка не случайна, поскольку это направление в целом начиналось с признания того факта, что вся

история, существовавшая до сих пор, являлась по-существу «историей мужчин», предполагавшей изучение «мужских» сфер деятельности и «мужской взгляд» в интерпретациях, основанных на представлениях, ценностях и даже документах мужчин.

Нельзя не отметить, что попытки пересмотреть историю с этой точки зрения осуществлялись и ранее. Это связано с тем, что и сами идеи феминизма возникли очень давно. Феминистическая мысль имеет долгую историю, и мы отсылаем читателя к специальной историографии¹².

На волне феминистского движения сформировалась убежденность в необходимости исследований, призванных «восстановить справедливость в отношении "забытых" предшествовавшей историографией женщин»¹³. В результате в конце 1960-х — начале 1970-х гг. широкое распространение получили исследования, авторы которых стремились, во-первых, восполнить пробел и написать «историю женщин», и во-вторых, дать «женский взгляд» на исторический процесс. Эта установка на создание особой «женской истории» господствовала до середины 1970-х гг. и сочеталась со стремлением объяснить наличие конфликтующих интересов и альтернативного жизненного опыта женщин разных социальных категорий. Она базировалась на феминистских теориях неомарксистского толка, которые вводили в традиционный анализ фактор различия полов и определяли статус исторического лица как специфическую комбинацию индивидуальных, половых, семейно-групповых и классовых характеристик¹⁴.

Следует иметь в виду, что в этот период историки, стремясь найти и исследовать «женский вклад», в большинстве случаев оказывались в плену маскулинного типа культуры, который предполагал счет ценностей с «мужской точки зрения». «Когда тема женщин только появилась в исторической литературе, — пишет американский историк А. Кредитор, — слишком часто она сводилась к изучению женщин как компонента домашнего хозяйства и детопроизводства, или к исследованию личностей женщин, проявивших

себе чем-либо экстраординарным»¹⁵. Тем не менее, именно тогда феминистская теория приходит к анализу властных отношений как основному источнику гендерного неравенства и изучению механизмов работы социальных институтов, проводящих это неравенство в жизнь.

К началу 1980-х гг. феминистская теория переходит на новый виток развития, а вместе с ней изменяется облик женской истории. Огромное значение для ее теоретического и методологического обновления имело конструирование категории «гендер», создавшей новые возможности для междисциплинарного, кросс-культурного, исторического анализа.

Большой вклад в теоретическое обоснование гендерного подхода к истории сделан феминистскими исследователями Дж. Скотт, Н. Дэвис, Ш. Руботэм, М. Лэйк и др. Это новое поколение постмодернистски ориентированных сторонников феминистской теории доказывает, что «пол» — социально-культурная конструкция и, собственные гендерные стереотипы и понимание гендерных ролей¹⁶. Понятие «гендера» как социо-культурной конструкции пола становится центральным в исторической науке и сегодня, наряду с категориями «класс», «раса», является ключевым в исторических исследованиях. «Гендер, — пишет австралийский историк М. Лэйк, — подобно троянскому коню позволил нам влиться в поток традиционной истории, но не с намерением добавить к ней свои исследования, а со стремлением переписать ее»¹⁷.

Следует учитывать, что категория «гендер» с самого начала носила междисциплинарный характер, связанный с теми разнообразными сферами и влияниями, которые накладывались на факт принадлежности человека к биологическому полу, — социально-политическими, культурными, экономическими, психологическими (статус в обществе, отношение к власти, карьера, заработная плата, культурные стереотипы поведения, характер труда, особенности психики и т. п.). С момента введения в научный оборот «гендер» был призван исключить «биологический и психический детерминизм, который постулировал неизменность условий бинарной оппозиции мужского и женского начал»¹⁸.

Гендерная история, которая начинает свое развитие в нашей стране, уже давно и прочно утвердилась в западной историографии. Так, «женские исследования» (Women's Studies) получили настолько широкое признание во всем мире, что уже вошли в перечень специальностей, по которым можно защищать диссертации и получать докторскую степень (Ph.D.). По этой специальности

преподается более 200 различных курсов. Издается свыше 100 феминистских изданий, посвященных культурно-исторической тематике *Frontiers: A Journal of Women Studies*; *Signs: Journal of Women in Culture & Society*; *Women's Studies Quarterly*; *Gender and History*; *Journal of Women's History*; *Women's History Review* и др.

Под влиянием свойственной постмодерну ситуации междисциплинарности исследователи «женской истории» и приверженцы гендерного подхода (понимаемого как рассмотрение любых исторических процессов и событий с точки зрения гендерной стратификации) принимали самое непосредственное участие в становлении многих новых направлений современной историографии: устной истории, истории повседневности, микроистории. Современные гендерные исследования осуществляются преимущественно в направлении сочетания «традиционных» для историков проблем социально-экономического плана (с учетом нового содержания, вкладываемого в понятие «социальное»), антрополого-семиотического подхода и ключевых аспектов гендерных взаимодействий, преподнося тем самым не только новые знания, но и открывая новые поля. Особой популярностью пользуются исследования, посвященные процессам взаимодействия гендерных различий и экономических преобразований, социальной политике, культурной символике и стереотипам, матримонильному поведению и др.

Особое место в исследованиях занимают проблемы, связанные с модернизацией общества. Актуальными остаются поставленные в классической работе Э. Кларк «Трудовая жизнь женщин в XVII в.» (1919) вопросы о том, что развитие капитализма на раннем этапе имело отрицательные последствия для женщин. Многие исследователи отмечают, что в экономике, основанной на принципах конкуренции и наемного труда, дискриминация женщин была более глубокой, чем в традиционном крестьянском хозяйстве. В то же время именно переход к капитализму дал женщинам возможности для самоосознания, стирая границы «традиционного» гендерного разделения труда.

Еще в 1930-е гг. М. Бирд предприняла попытку проследить достижения женщин, их социальную роль и вклад в жизнь общины («Америка глазами женщин», 1934; «Рождение американской

цивилизации», в соавторстве с Ч. Бирдом, 1927; и др.). Во второй половине XX в. возросло внимание к проблемам роли женщин в производстве, что было связано с исследованиями экономики с времен колоний до наших дней, законодательства, показателей заработной платы, условий труда и т. д. Популярными темами

становятся семейная жизнь, институт брака, мораль, т. е. те сферы общественной жизни, которые традиционно относили к «приватным», «женским» (Г. Лернер, Б. Велтер, Ж. Дюби). При этом, если в 1970-е гг. приоритетными были социально-экономические аспекты этой проблематики, то в 1980—1990-е гг. четко обозначился интерес к культурной символике.

«Семиотизация», характерная для многих историографических направлений, подразумевает «расшифровку» исторических источников с точки зрения наличия в них гендерной символики. Такой подход позволяет изучать архитектурные памятники, материалы инквизиции, лубочные картинки, приходские книги, переписку, мемуары и многие другие виды источников, ранее практически не попадавшие в исследовательское поле историков.

Так, один из пионеров гендерных исследований Н. Дэвис, говоря о тонкой грани между поэзией и историей, подчеркивает роль воображения историка, который призван услышать «голоса из прошлого»¹⁹. Ее собственное, ставшее уже классикой исследование, фокусируясь на гендерных отношениях, рисует красочную картину народной культуры Франции начала Нового времени²⁰.

Разнообразные виды источников использует и Ж. Дюби, анализируя институт брака в средневековой Франции. Используемые им литературные произведения, частная переписка женщин и духовников, архитектурные памятники, скульптуры, художественные изображения, — все это несет на себе отпечаток культурной символики, являясь той самой «второй реальностью», которую создают люди²¹.

Семиотическая направленность современной гендерной истории расширяется за счет изучения культуры потребления, языка, моды, быта, досуга и т. д.²²

Говоря о новых направлениях в современной историографии, нельзя не отметить их тесное переплетение как на уровне исследовательских объектов, так и на уровне технологий. Гендерная история, микроистория, история повседневности, устная исто-

рия, несмотря на разногласия между их исследователями, имеют под собой родственные основания, связанные с обращением к индивидууму в культурном контексте или в локальном сообществе, с акцентом на изучении «опыта».

С самого начала своего развития гендерная/женская история шла рука об руку с таким направлением, как устная история. Первоначальная идея, давшая толчок бурному развитию исследований в ее рамках, состояла в признании необходимости интервьюирования свидетелей и непосредственных участников событий и процессов прошлого с целью исторической реконструкции. И оно не может ограничиваться интервью с членами социальных и политических элит, которое служит лишь дополнением к существующим документальным источникам. Те, кто стоял у истоков устной истории (П. Томпсон, Р. Самуил, К. Гиртц, Р. Грили и др.), преследовали цель «заклечь внутрь исторического источника, созданного в результате интервьюирования, опыт и перспективу тех групп людей, которые обычно оставались «спрятанными от истории»²³.

Первый проект по устной истории был организован американским исследователем А. Невинсом в Колумбийском университете Нью-Йорка в 1948 г. Он заключался в организации записи и сохранении интервью с представителями элиты белых мужчин. В отличие А. Невинсона, английские исследователи (например, Г. Э. Эванс) в 1950—1960-е гг. направляли свои усилия на запись опыта так называемых «простых» людей — представителей рабочего класса. В целом исследования историков этих лет отвечали лозунгу создания «истории снизу», принятому в мировой историографии.

В 1960—1970-е гг. устная история получает мощный импульс в историографии афроамериканцев (А. Хайли). Ее исследователи маргинальных культур проявили повышенный интерес к такому новому виду источников, как интервью. Отсутствие собственной писаной истории, давние традиции устного исторического сознания укрепили популярность устной истории в Южной Африке, США, Латинской Америке и многих других регионах.

К концу 1970-х гг. устная история получила академическое признание во многих странах мира. Несмотря на это, методы и стратегия устной истории обнаружили серьезные проблемы, свя-

занные как с критикой со стороны историков, базирующих свои исследования на традиционных документах, так и с разногласиями внутри самого направления. Основная часть критических выступлений основывалась на ограниченных возможностях памяти, индивидуальных свидетельств, методов интервьюирования. В основном этим вопросам была посвящена Первая международная конференция по устной истории, проведенная в 1979 г. в Эссексе (Англия) и получившая освещение в ее первых журналах (Oral History Review, International Journal of Oral History) и антологиях.

Устная история бросила вызов традиционной и в другом отношении: от исследователей требовалось теперь знание таких техник интервьюирования, которые используются в различных дисциплинах — социологии, антропологии, психологии и лингвистике. Она в большей степени зависит от отношений между историком и его источником. Рассказчик не только «вспоминал» прошлое, но и интерпретировал его. И некоторые

историки видят свою цель не столько в реконструкции прошлого и создании нарратива, сколько в оказании помощи индивидуумам или социальным группам в их идентификации. В этом случае сам процесс интервьюирования представляется «терапевтическим» средством, «поиском себя» и своего места в истории.

Бросая вызов ортодоксальной историографии в плане поиска и использования исторических источников, методов и исследовательских задач, устная история породила множество споров. Пожалуй, самыми значительными среди них были и остаются споры вокруг достоверности памяти и природы интервьюирования и более того — соотношения памяти и истории, прошлого и настоящего.

Это, в свою очередь, рождает проблемы, связанные с возможной субъективностью исследователя и трудностями интерпретации. Кроме того, поскольку устные историки имеют дело с процессами памяти, то разработка и постановка задач, интервьюирование и интерпретация должны основываться на готовности и умении слушать, внимании к интервьюируемому и точности в процессе коммуникации. С этой целью исследователи используют различные техники интервьюирования, специально подготовленные опросники, знание психологии, необходимые

для того, чтобы правильно обращаться с такими явлениями человеческой памяти, как конструктивные ошибки, рефабрикация как следствие влияния общественных стереотипов, бессознательное подавление и забывание.

Интервьюирование и интерпретация являются основными звеньями в процессе создания устной истории. Чаще всего современные исследователи готовятся к интервью, составляя специальные опросники, ориентированные на исследовательские задачи. И, поскольку во время интервью рассказчик вынужден вспоминать события прошлого, они используют специальные методы, стимулирующие мнемонические процессы (визуальные техники — карты, планы местности, фотографии, диаграммы и т. д.)²⁴.

Записанные материалы историк должен расшифровать. Здесь вновь возникает проблема интерпретации. Как интервьюирование, в ходе которого могут обнаруживаться противоречия между идеологией, мифологией и реальностью, так и интерпретация, таят в себе опасность ложных заключений. «Мы подвергаемся опасности не только неправильного понимания интервью, но и неверного понимания того, что и почему было сказано»²⁵. В связи с этим многие устные историки, так же как и представители микроистории, пришли к выводу о необходимости постановки исследуемой темы в широком социальном контексте.

Многие исследователи сегодня пытаются соотнести теоретические изыскания о нарративе и памяти с политическими установками для создания истории «маргинальных групп», что порождает обилие литературы, пересекающей дисциплинарные границы. Так, в тесной связи с устной историей находятся исследования в области лингвистики и коммуникации (П. Томпсон, Р. Грили, М. Фримэн), изучающие отношения между идентичностью, памятью, личным нарративом²⁶. По своим целям и методам близки к устной истории представители и так называемой нарративной психологии (В. М. Раньян, Т. Р. Сарбин), ориентированной на психолого-биографические исследования, «социологии истории жизни» (М. Чемберлейн, П. Томпсон, Д. Берто), изучающей общество с точки зрения индивидуального опыта и антропологии (С. Каллауэй, Р. Самуил), раскрывающей связи частной и общественной сфер²⁷.

Говоря о своей сверхзадаче, исследователи устной истории считают, что именно она позволяет нам видеть историю как более или менее непосредственный опыт, а не абстрактный процесс. «Устная история — это история, построенная вокруг людей... Она делает героев не только из вождей, но и из неизвестного большинства... Она помогает наименее защищенным, особенно пожилым, людям обрести уверенность и достоинство. Она способствует пониманию между социальными классами и поколениями... Устная история дает средства радикальной трансформации социального смысла истории»²⁸.

История не может быть «прошлым» сама по себе. Она есть продукт осмысления сегодняшним историческим сознанием людей их прошлого.

Ставшее на Западе уже обыденным разочарование в «структурной» истории, отказывавшейся от нарратива (под «нарративом» мы понимаем организацию исторического материала в хронологической последовательности вокруг преимущественно одного связного сюжета²⁹) под предлогом его ненаучности, приводит сегодня к необыкновенной популярности «описательной» истории, ориентирующейся на микроподход, изучение человека, индивидуализацию и детализацию. Сегодняшние историки несколько не выше интеллектом, чем историки античности. Хотя от Геродота и Плиния история проделала долгий путь, и за два с лишним тысячелетия историки научились задавать новые вопросы прошлому, от простого «как?» мы перешли к «почему?» и придумали множество абстракций и идеальных типов, чтобы на основе сходств и различий выделять то общее, что объединяет разнообразные события и образует процессы, и тем не менее, на пороге нового тысячелетия объяснения историками прошлого не удовлетворяют читателей. Более того, за экономическими схемами истории, за действиями глобальных исторических общностей, производительных сил и производственных отношений теряется потеря общего смысла истории. Не случайно исторические

сочинения перестали пользоваться спросом среди читателей: видимо, основанные на макроподходе, они оставляют в стороне главное действующее лицо исторических процессов — человека. Придя к такому за-

ключению, многие историки требуют возвращения историческим трудам их антропологического содержания.

Гуманизация исторического знания, антропологическая ориентация истории, «нетрадиционные» сферы исследований, основывающиеся на новых теориях (гендерная история, устная история, история повседневности, микроистория) являются наиболее характерными проявлениями современной историографической ситуации, сложившейся к началу нового века.

¹ См.: Duby G. *Problems and Methods in Cultural History // Love and Marriage in the Middle Ages*. Cambridge; Oxford, 1994. P. 21.

² Репина Л. П. Смена познавательных ориентаций и метаморфозы социальной истории // *Социальная история*. Ежегодник. 1997. М., 1998. С. 20.

³ Braudel F. *The Structures of Everyday Life*. London, 1981.

⁴ См.: Thompson E.P. *The Making of the English Working Class*. New York, 1966; Thomas K. *Religion and the Decline of Magic: Studies in Popular Beliefs in 16th and 17th Century Europe*. London, 1971; Burke P. *Popular Culture in Early Modern Europe*. London, 1978; Davis N. Z. *Society and Culture in Early Modern France*. New York, 1975; Ginzburg C. *The Cheese and the Worms: The Cosmos of a Sixteenth-Century Miller*. New York, 1978.

⁵ Geertz C. *Thick Description: Toward an Interpretative Theory of Culture // Geertz C. The Interpretations of Cultures*. New York, 1973.

⁶ Montanari M. *Der Hunger und Uberfluss: Kulturgeschichte der Ernährung in Europa*. Munchen, 1993. Цит. по: Арнаутова Ю.Е. Рецензия // *Одиссей. Человек в истории*. 1998. М., 1999. С. 357.

⁷ Репина Л. П. Смена познавательных ориентаций и метаморфозы социальной истории. С. 38.

⁸ Gurwith M. *The Twilight of the Goddesses: Women and Representation in the French Revolutionary Era*. New Brunswick, 1992. P. 125.

⁹ Cantarella E. *Bisexuality in the Ancient World*. New Haven, 1992. P. 70.

¹⁰ Duby G. *Love and Marriage in the Middle Ages*. Cambridge; Oxford, 1994. P. 31.

¹¹ Чикалова И. Р. Гендерная история: к вопросу о становлении // *Теоретико-методологические проблемы исторического познания*. Материалы к международной научной конференции. В 2 т. Т. 1. Мн., 2000. С. 169.

¹² См.: Skott J. W. *Gender and the Politics of History*. New York, 1988; *A History of Women*. Vol. 1—5. Cambridge; London, 1995; Davis N. Z. *Society and Culture in Early Modern France*. New York, 1975; Репина Л. П. Гендерная история: проблемы и методы исследования // *Новая и новейшая история*. 1997. № 6; Пушкарева Н. Л. *Женщины Древней Руси*. М., 1989; *Теория и история феминизма*. Харьков, 1996; *Феминизм: Восток, Запад*. М., 1993; Хольмберг К., Линдхольм М. *Феминистская теория // Современная западная социология*. СПб., 1992; и др.

¹³ Репина Л. П. Смена познавательных ориентаций и метаморфозы социальной истории. С. 39.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Kraditor A. S. *Up From the Pedestal // Women and Womanhood in America*. Lexington; Toronto; London, 1973. P. 5.

¹⁶ Титаренко Л. Г. Феминистская антропология и исторический подход // *Теоретико-методологические проблемы исторического познания*. Материалы к международной научной конференции. В 2 т. Т. 1. Мн., 2000. С. 167.

¹⁷ *Современная мировая историческая наука: Инф.-аналит. Обзор (по материалам XVIII Международного конгресса историков, Монреаль — 1995)*. Мн., 1996.

¹⁸ Там же.

¹⁹ См.: Davis N. Z. *The Return of Martin Guerre*. Cambridge, 1983.

²⁰ См.: Davis N. Z. *Society and Culture in Early Modern France*. New York, 1975.

²¹ См.: Duby G. *Love and Marriage in the Middle Ages*. Cambridge; Oxford, 1994; *The Knight, the Lady, and the Priest: The Making of Modern Marriage in Medieval France*. Chicago, 1993.

²² См.: *The Sex of Things: Gender and Consumption in Historical Perspective*. Berkley, London, 1996.

²³ *The Oral History Reader / Ed. by R. Perks and A. Thompson*. London; New York, 1998.

²⁴ См.: Yow V. *Recording Oral History: A Practical Guide for Social Scientists*. London, 1994.

²⁵ Grele R. *Movement without the aim: Methodological and theoretical problems in oral history // The Oral History Reader / Ed. by R. Perks and A. Thompson*. London; New York, 1998. P. 48.

²⁶ См.: *Envelops of Sound: The Art of Oral History / Ed. by R. Grele*. Chicago, 1985; *The Myths We Live By / Ed. by R. Samuel, P. Thompson*. London, 1990; Tonkin E. *Narrating Our Pasts: The Social Construction of Oral History*. Cambridge, 1992; и др.

²⁷ См.: *Biography and Society: The Life History Approach in the Social Sciences / Ed. by D. Bertaux*. London, 1981; Samuel R. *Theaters of Memory: Past and Present in Contemporary Culture*. New York, 1994; Haley A. *Roots*. London, 1977.

²⁸ Thompson P. *The Voice of the Past: Oral History // The Oral History Reader / Ed. by R. Perks and A. Thompson*. London; New York, 1998. P. 28.

²⁹ Stown L. *The Past and the Present*. Boston; London, 1981. P. 74.